

Евтушенко С.В.

доктор философских наук, кандидат
искусствоведения, профессор,
Харьковский национальный университет
искусств им. И.П. Котляревского

ЧАСТНЫЙ “ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ” АСПЕКТ РУССКО-УКРАИНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Аннотация. Попытка широкой реконструкции фамильно-бытовых связей представителей некогда влиятельного семейства Апостолов как перспективная источниковедческая составляющая комплексного атрибуционного исследования малоизученных художественных раритетов, появление которых было инициировано Апостолами.

Ключевые слова: атрибуция, генеалогия, источниковедение.

Анотація. Євтушенко С. В. Приватний “генеалогічний” аспект російсько-українських художніх зв'язків. Спроба широкої реконструкції родинно-побутових зв'язків представників колись впливового сімейства Апостолів як перспективна джерелознавча складова комплексного атрибуційного дослідження маловивчених художніх раритетів, появу яких було ініційовано Апостолами.

Ключові слова: атрибуція, генеалогія, джерелознавство.

Annotation. Yevtushenko S. V. Concrete “genealogic” aspect of the Russo-Ukrainian art relations. This is an attempt of wide reconstruction of familiar-daily relations of the representatives of Apostol's family which was so influential at one time. This reconstruction is understood as a perspective component of scientific-historical sources-study in the complex attribution of not enough investigated art rarities, occurrence of which was initiated by the Apostols.

Keywords: attribution, genealogy, sources-study.

Постановка проблемы. Рассуждая о тех или иных художественных связях, нельзя отрицать, что они всегда осуществляются посредством живых, конкретных участников исторической драмы. Так, предполагая руку мастера-иностранца или просто столичного мэтра в артефакте провинциального провенанса, правомерно задаваться вопросом: каким образом неведомая в “европах” периферия могла удостоиться неожиданной чести упокоить у себя детище “гранд ар'а”?

Анализ последних исследований и публикаций. Не приходится говорить о принадлежащих позднему периоду или вообще о конкретных аналогах настоящей публикации в плане ее содержания, целей, а также жанровой специфики, поскольку, сближаясь в концептуальном смысле с “биполярными” историко-искусствоведческими исследованиями, классическим образчиком которых выступает относящаяся к 1972 г. и посвященная И. Н. Никитину монография Н. М. Молевой, все же с молевским эталоном данный материал (в силу ограничений, накладываемых параметрами изложения) соотносим лишь частично, ибо при наличии историко-исследовательской компоненты практически лишен отчетливой искусствоведческой, хотя и инспирированной потребностями атрибуционно-искусствоведческого поиска [14].

Цель публикации – расширение и уточнение существующего представления о параметрах и специфике взаимодействия малороссийской художественной “периферии” с имперской художественной метрополией, персонификация каналов его реализации, неизбежно опосредованной “человеческим фактором”.

Результаты исследования. Начнем с известного: Петр Данилович Апостол, старший сын гетмана Д. Апостола, получивший (под присмотром и покровительством А. Д. Меньшикова) блестящее “столичное” образование, был женат на смоленской шляхтянке Храповицкой (об этом как минимум трижды и вполне неамбивалентно упоминает в своих дневниковых записях Яков Андреевич Маркович) [6, с. 341; 7, с. 155]. А поскольку 31 марта далекого 1731 года известнейший русский портретист первой половины века XVIII-го Иван Никитин (“гофмалер”, “персональных дел мастер”), надлежащим образом оформляя приобретение недвижимости “в белом городе на Большой Тверской улице” (по соседству с “двором князя Петра Федорова сына Хилкова”), в числе свидетелей “при совершении купчей”, именуемых Н. М. Молевой “друзьями и знакомыми художника”, представил и “смоленского шляхтича Гаврилу Петрова Храповицкого”, – вряд ли будет неуместным вопрос: не является ли это дружеское участие дворянина Храповицкого в никитинской жизненной эпопее намеком на возможность и у гетманича Петра Даниловича, на Храповицкой женатого, скрытых, неучтенных “пересечений” с самым ярким русским живописцем своего времени? Тем более что гетманич немалое время обретался при меньшиковском дворе, близко сойдясь с семейством вельможного наставника, вследствие чего непрестанно достаивался чести лично созерцать разнообразных членов мо-

Надійшла до редакції 07.11.2012

наршей фамилии [14, с. 90–91]¹? И тем более что связи меж Апостолами и Храповицкими явно поддерживались как при жизни гетмана Даниила Павловича, так и после его кончины. В частности, в дневниковой записи от 2 января 1734 года Яков Маркович отмечал: “Полковники миргор[одский] и лубенский (то есть оба гетманича – Павел и Петр) з женами приехали в Глухов, котрым у вечеру визиту я отдал. При мне прийшол в гетманский дом капитан здешнего гварнезонного полку и взял з собою Храповецкого молодого, брата полковници лубенской (то есть супруги Петра Апостола. – С.Е.) и попровадил в дом генерала Нарешкина (Нарышкина. – С.Е.), где стоит полковник Шамордин...”², так что наступавший год 1734-й брат и сестра Храповицкие встречали в Глухове вместе [6, с. 341]. После состоявшегося 3 января 1734 года банкета у гетмана, по свидетельству того же Якова Андреевича Марковича, “в ночь... отехал Шамордин и з собою взял и Храповецкого” [6, с. 342]. О каком же “молодом” Храповицком могла идти речь в 1734-м и на ком был женат лубенский полковник Петр Данилович Апостол? Чтобы как-то сузить рамки поиска, соединим и проанализируем известное на этот счет из различных источников. 26 декабря 1746 г. в своих знаменитых “Дневных записках” Яков Андреевич Маркович сделал запись: “Писал в Смоленск до Юрия Храповицкаго по делу” [7, с. 242]. Далее иной поставщик бесценных свидетельств очевидца первой половины XVIII века – сам Петр Апостол – в своем дневнике от 14 января 1726 г. фиксирует: “Один еврей принес мне письмо от моего тестя...”, 7-го апреля того же года отмечает: “Я написал письмо своему тестю”, а 22 августа 1726-го упоминает: “Некий смоленский дворянин Колачевский принес мне письма от тестя” [1, с. 131, 139, 150]. Итак, во-первых, уточним, что Маркович, тесно и долговременно общавшийся с сыновьями Апостола, мог быть непосредственно знаком с неким

смоленским Юрием Храповицким именно как с Апостоловым родственником; во-вторых, подчеркнем, что остающийся безымянным тесть Петра Даниловича, по меньшей мере в августе 1726-го, был жив. Сообщаемое Марковичем о “полковнике Шамордине” наводит на мысль, что последний так или иначе опекал прибывшего в Малороссию “Храповецкого молодого”, которого сначала прямо из гетманского дома “попровадили” в дом, где Шамордин остановился, а потом, покидая Глухов, полковник “з собою взял и Храповецкого”. В этих обстоятельствах логично предположить, что Шамордина и “Храповецкого молодого” связывало нечто неформально основательное, тем более что и документально подтверждается существование в историческом прошлом *Шамординой Февроньи Михайловны*, которая была урожденной Храповицкой: об этом упоминается в книге петербургского историка Д. П. Шпиленко “Материалы к родословию смоленского дворянства” (М., 2006), к большому сожалению, доступной нам лишь электронной версией обширного именного указателя [24]. Можно предположить, что в своих “Материалах...” Д. П. Шпиленко приводит достаточно полную информацию о Февронье Шамординой, однако нам надлежит определить место этой особы “в истории” самостоятельно. Исходя, в частности, из довольно обширной родословной Храповицких, опубликованной В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым во 2-м томе их “Родословного сборника русских дворянских фамилий” (СПб., 1887). Трехчастной родословной, поскольку представляющей соответственно три ответвления этого приписанного к шляхетному гербу “Гоздава” белорусского (как квалифицируют его В. В. Руммель и В. В. Голубцов) рода. В первую очередь, безусловно старейшее и исходное по отношению к двум иным ответвлениям условно “польское” (в силу того, что его представители не порывали связи с Речью Посполитой и католической церковью до самого падения государственной независимости Польши), а также два условно “смоленских” – “старшее” и “младшее” (оба представлены Храповицкими, обосновавшимися на Смоленщине и здесь принявшими патронат московских царей). Руммеле-голубцовская роспись включает в себя 240 имен и вполне основательной выглядит уже по этой причине. Априори ясно, что особое внимание “апостоловед” должен сосредоточить именно на смоленских Храповицких. Реализацию этих намерений упоминание в дневниковой записи Марковича о “Юрии Храповицком” упрощает тем успешнее, что в родословной Храповицких В. В. Руммеля и В. В. Голубцова подобное имя встречается нечасто: впервые – в поколении современников непосредственно начала XVII века, представляющих “польских” Храповицких (правда, к тому моменту еще не до конца “ополяченных”), затем – одновременно в лице двух Юриев – в поколении, соотношенном с серединой того же столетия (и вновь это “польская” ветвь)³,

¹ Так, 7 июня 1726 г. Петр Данилович, будучи во дворце А. Д. Меньшикова, видел “принцессу, дочь покойнаго русскаго царя Иоанна Алексеевича” [1, с. 145]. А 30 декабря 1726 г. сама императрица Екатерина “оказала честь кн. Меньшикову своим посещением: она села за стол со всеми кавалерами” ордена св. Андрея (поскольку это был день “Андреевского праздника”) [1, с. 152]. 1 января 1727 г. “в 6 часов” Петр Апостол сопровождал дочерей Александра Даниловича “ко двору” (“там была зажжена очень хорошая иллюминация”) [1, с. 152]. 19 февраля того же года в апартаментах его высокопоставленного покровителя “по случаю именин княгини Меньшиковой был бал, на котором присутствовали принцесса Елизавета (будущая императрица Елизавета Петровна. – С.Е.), великий герцог и великая герцогиня (то есть старшая дочь Петра I со своим супругом. – С.Е.)” [1, с. 153]. 23 апреля 1727 г. Петр Апостол побывал с дочерьми Меньшикова – “княжнами при дворе” [1, с. 154]. 29 апреля 1727-го, по его свидетельству, “Великий князь (будущий Петр II. – С.Е.) с своей сестрою (13-летней вел. кн. Натальею Алексеевною. – С.Е.) провел две ночи у ...князя”, то есть у А. Д. Меньшикова [1, с. 155]. А затем 1 мая 1727 г. “племянница Е[я] В[еличества] провела две ночи у ...княжен” – меньшиковских дочерей [1, с. 155]. Наконец, когда 7 мая 1727 г. “Великий князь [был] провозглашен Императором Всероссийским”, “в этот же день” Петр Апостол, по собственным словам, “имел счастье быть допущенным к его [монаршей] руке” [1, с. 155].

² Здесь и далее при цитировании сохраняются орфография и пунктуация оригинала, однако вышедшие из употребления буквенные знаки заменены современными аналогами.

³ Умерший в молодости, и, судя по всему, именно в самом начале XVII столетия, Юрий Иванович Храповицкий, его родной племянник Юрий Христофорович Храповицкий, взятый “в плен в Витебске русскими” и скончавшийся в 1678-м в Астрахани, куда его сослали как пленника, а также иной родной племянник рано умершего Юрия Ивановича Юрий Евстафьевич Храповицкий, в 1653-м состояв-

позднее сего Юрием зовется всего только один шляхтич Храповицкий – выходец из “старшего” смоленского клана, который и подходит, на наш взгляд *оптимально*, на роль известного адресата Марковича [20, т. 2, с. 594–612]. Это Юрий Дементьевич Храповицкий, в свое время сделавшийся и надворным советником, и “губернаторским товарищем” [20, т. 2, с. 602 (№ 6)]. Судя по дате рождения старшего из его сыновей Платона Юрьевича (род. в 1738-м), уже к 1746 г. Юрий Дементьевич стал отцом немалого семейства, но в 1734-м он вполне мог быть “Храповецким молодым”, навещавшим сестру в Глухове, тем более что и отец его Дементий Храповицкий в 1726 г. был несомненно жив (и скончался лишь в 1750-м), к тому же Юрий доводился внуком Михаилу Андреевичу Храповицкому, то есть мог иметь тетку Февронью Михайловну – жену неизвестного нам Шамордина [20, т. 2, с. 602 (№ 6, 12)]. Даже если в январе 1734-го в Глухов приезжал не он, “визитером” мог быть только один из младших братьев Юрия – Яков, Иван или Михаил Храповицкие: их кузены Евграф и Матвей, числящиеся в том же “колоне” родословной (довольно немногочисленном – всего из шести лиц), родились значительно позднее (в 1753-м и 1762 гг.) и навещать “лубенскую полковницу” в 1734-м никак не могли [20, т. 2, с. 602]. Родство с нею примерных ровесников детей Дементия Храповицкого – сыновей Ивана и Петра Леонтьевичей (братьев из “младшего” смоленского клана), – выглядит сомнительным оттого, что все же Маркович переписывался с представителем старшего клана. К тому же, если исходить из того, что Иван Леонтьевич умер в 1710-м (так значится у В. В. Руммеля и В. В. Голубцова), – даже младший из его сыновей в 1734-м не мог бы уподобиться нуждающемуся в попечении недорослю [20, т. 2, с. 606–607]. Впрочем, из росписи В. В. Руммеля и В. В. Голубцова явствует, что двое младших отпрысков будто бы умершего в 1710-м Ивана Леонтьевича родились... в 1728-м и 1736 гг., причем, сопоставление столь неожиданных дат их рождения с датами рождения их собственных потомков, довольно уверенно опровергает возможность того, что их отца действительно не стало в 1710-м [20, т. 2, с. 606–608].

Как уже говорилось, среди перечисленных в родословной росписи В. В. Руммеля и В. В. Голубцова нет более убедительного кандидата на роль отца Февроньи Шамординой, нежели представляющий старшую ветвь смоленских Храповицких дед Юрия Дементьевича Михаил Андреевич. И нет с тем большей очевидностью, что именно его внуку адресовал в 1746-м свое послание Я. А. Маркович. Продолжая все же “смотреть” Михайлов Храповицких, не столь подходящих на роль шамординского тестя, укажем, что представитель “польского” клана Храповицких хорунжий витебский в 1700–1723 гг. Михаил (или, вернее, Михал), имевший сына-стольника лифляндского и выдавший дочь за стольника брацлавского и, к тому же, убитый в России разрывом русского орудия, на роль тестя боевого русского полковника не особенно подходит; иные Михайлы в “польской” ветви рода до са-

ший городничим витебским [20, т. 2, с. 594 (№ 5), 595 (№ 13, 19)].

мого наступления XIX столетия вообще не рождались [20, т. 2, с. 594–601, 596 (№ 30), 597 (№ 45), 600 (№ 80, 83)]. Здесь уместно пояснить, почему нас не интересуют относившиеся также к “польским” Храповицким (но в силу принадлежности к иной эпохе считавшиеся уже российскими подданными) – в 1808-м родившийся Михаил Петрович и в 1859-м рожденный Михаил Васильевич. Во-первых, в 1734-м участие в судьбе “Храповецкого молодого” принимал не слишком молодой (учитывая значимость его чина) полковник Шамордин, а, во-вторых, в “Материалах...” Д. П. Шпиленко (если опираться на именной указатель к ним) ссылка на урожденную Храповицкую Февронью Шамордину сочетается с упоминаниями о братьях Сергее и Иване Афанасьевичах Шамординых, их сыновьях и внуке Сергея Афанасьевича Иване Яковлевиче, при этом известно, что сыновья Сергея Даниил и Кирилл родились заведомо и безусловно до наступления XVIII столетия, ибо в официально-документальных источниках оба фигурируют под 1706 годом уже как полноправные московские стряпчие [24; 33]. Примечательно, что отец Ивана Яковлевича (и одновременно сын Сергея Афанасьевича) Яков Сергеевич Шамордин так имел чин полковника (Архангелогородского драгунского полка), однако уже в 1722-м успел сделаться бригадиром и, более того, героически погиб в 1725-м, из-за чего и не был полковником, в январе 1734-го увезшим из Глухова брата Апостоловой супруги [26]. Полковником, побывавшем тогда в зимнем Глухове, по-видимому, был Авраам Григорьевич Шамордин – капитан-поручик Семеновского полка в 1718-м и капитан в феврале 1723 г.: назначенный в октябре 1734 года смоленским комендантом, в мае 1737 года он производится в бригадиры (то есть удостаивается чина, следующего за полковничьим) и, соответственно (учитывая, что между чинами редко проходило менее 3-х лет), в январе 1734-го он практически должен был числиться полковником; добавим, что в 1738–1740 гг. “Авраам Шамордин был смоленским губернатором” [31; 32]. Пока степень его родства с Афанасием Шамординым и Афанасиевыми потомками остается для нас невыясненной... Итак, “старший” из смоленских кланов в лице деда Юрия Дементьевича Михаила Андреевича, стольника и ротмистра в полку смоленской шляхты, женившегося на дочери Ивана Цельнера и умершего в 1710-м, составляет убедительного кандидата на роль родителя Февроньи Шамординой (конечно, если видеть в ней современницу несомненно первой половины XVIII столетия) [20, т. 2, с. 601 (№ 3)]. Впрочем, в том же фамильном клане обнаруживаем еще одного Михаила Храповицкого – родного брата Юрия [20, т. 2, с. 602 (№ 9)]. Однако даже Платон Юрьевич Храповицкий, старший из племянников Михаила Дементьевича, родился лишь в 1738-м, а, следовательно, окажется Февронья Михайловна дочерью Михаила Дементьевича, – стать полноправной участницей событий первой половины XVIII века ей было бы не суждено; после же Михаила Дементьевича Михайлов среди принадлежащих к старшей смоленской ветви рода уже не случалось [20, т. 2, с. 600 (№ 80, 83)]. При этом ясно, что располагая (в силу “именных”

реалий по-разному и в разное время живших Храповицких) известной возможностью выбора: считать ли Февронью Шамордину персонажем довольно бурной истории первой половины XVIII века или предположить в ней современницу екатерининской эпохи, – с учетом сообщенного Марковичем о полковнике Шамордине мы осознанно отдаем предпочтение первому варианту [20, т. 2, с. 601–606]. Переходя к младшему смоленскому клану, признаем, что скептически отнестись к кандидатуре секунд-ротмистра Михаила Ивановича Храповицкого склоняют соображения идентичные изложенным относительно Михаила Дементьевича: чересчур позднее (в 1744 и 1760 гг.) рождение его сыновей [20, т. 2, с. 607 (№ 5), 608 (№ 22, 23)]. Вообще, несмотря на то, что младшая смоленская ветвь заметно богаче носителями имени Михаил, все они родились слишком поздно для того чтобы хронологически соответствовать статусу отца Февроньи Шамординой и могли бы быть интересны лишь при допущении, что Февронья родилась не ранее 1770-х (поскольку год рождения недооцененного поэта Михаила Васильевича Храповицкого – 1750-й, его ничем не примечательного кузена, титулярного советника Михаила Андреевича – 1752-й, еще два Михаила тоже из “младшего” смоленского клана, Михаил Михайлович и Михаил Алексеевич, родились еще позднее) [20, т. 2, с. 608 (№ 21, 26), с. 608 (№ 23), 609 (№ 41)]. Подводя окончательный итог “ревизии” представленных в трехчастной родословной Михайлов, резюмируем: исходя из того, что персональная “история” Февроньи Шамординой сопряжена с первой половиной XVIII столетия и не допуская (с учетом “геополитических” соображений) ее причастности к польским Храповицким (что, строго говоря, все же чревато издержками), – отца интересующей нас Шамординой идентифицируем как деда Юрия Дементьевича Михаила Андреевича Храповицкого. В свете этого Февронья Шамордина превращается в родную тетку Юрия Дементьевича и супруги Петра Даниловича Апостола, так как (снова настаиваем) вполне реалистично допустить, что Юрий, к которому в декабре 1746 г. писал Яков Маркович, и тот “Храповецкий молодой, брат полковницы лубенской”, который был лично знаком Якову Андреевичу, во всяком случае по январскому визиту 1734-го, – одно и то же лицо. Кстати, жена Петра Даниловича быть дочерью непосредственно Михаила Андреевича не могла, ибо он скончался в 1710 г., а тесть П. Апостола, как нам известно, был жив и в 1726-м [20, т. 2, с. 601]. Роль упомянутого тестя не подойдет и дяде Юрия Дементьевича Антону Михайловичу, поскольку – хоть это и выглядит неожиданно – годы рождения его сыновей Евграфа и Матвея (видимо, как следствие бездетности Антона Михайловича в первом браке и поздних сроков второй женитьбы) – 1753-й и 1762-й, в силу чего ни один из них категорически не мог оказаться “братом полковницы лубенской”, вояжировавшим по Малороссии в 1734-м [20, т. 2, с. 602]. Все иные еще более поздние Храповицкие старшего смоленского клана ни при каких обстоятельствах не годятся в отцы супруге гетманича: несвоевременно родились. Так что остается с основательной степенью достоверности

идентифицировать “лубенскую полковницу” как дочь Дементия Михайловича и сестру Юрия Дементьевича Храповицких.

И вслед за этим перенести внимание на некогда respectable и древний русский дворянский род как будто бы итальянского происхождения – *Засецких*. Сегодня с Апостолами его соединяет практически единственная “зацепка”: короткая ссылка в уже упомянутом родословнике В. В. Руммеля и В. В. Голубцова: “Ея (жены гетманича Петра Апостола. – С.Е.) сестра была за Засецким” [20, т. 2, с. 610]. Несколько более пространные ремарки, касающиеся того же родства, содержатся вновь-таки в дневнике Якова Марковича. Так, в записи от 18 января 1742 г. автор дневника сообщает, что он и Петр Данилович Апостол совместно “приехали в Москву и стали переезжать в дворе племянников наших Толстых⁴, а после близ Новодевичьяго, в дворе кн[язя] Засецкаго” [7, с. 154]. Итак, вторым “дружественным” приютом для Якова Марковича и Петра Апостола, прибывших в столицу дабы на церемонии коронации новой императрицы представлять в кругу избранных за всю Малороссию, оказался дом князя Засецкого. 19 января 1742-го в дневнике Марковича появится запись: “...Обедали у нашей хозяйки, свояченицы п[ана] полковника лубенскаго, сестры его жены, княгини Засецкой, на Пречистенке в переулке Чудовном” [7, с. 155]. Таким образом, еще одна сестра Юрия Дементьевича в замужестве была Засецкой, причем княгиней, ибо и при втором упоминании о родственниках Петра Апостола дело не обходится без акцента на их княжеском достоинстве. Это, заметим, довольно примечательно, ибо едва ли не всё свидетельствует о том, что официально подавляющее большинство Засецких *не имели подобного титула* в отличие, например, от почти “однофамильцев” князей Засекиных⁵, однако существовала, как будто бы, и особо привилегированная часть рода – некие причислявшиеся к титулованной русской знати Большие-Засецкие. Нам известно несколько родословных росписей Засецких – относительно “общих” и относительно “сегментарных” (последние выглядят как специальные извлечения из общефамильных родословий, концентрирующиеся избирательно на “генеалогии” отдельных

⁴ В октябре 1718-го двоюродная сестра Я. А. Марковича, дочь гетмана Скоропадского, стала женой графа Петра Петровича Толстого; супруг ее, вскоре вместе со знаменитым своим отцом подвергшийся опале и гонениям, скончался в октябре 1728-го, тесть – в марте 1729-го на Соловках, а сама она умерла в 1733-м; в Москве наступившего 1742 года двоюродными “племянниками нашими Толстыми” для составителя знаменитого дневника могли быть двадцатидвухлетний Александр Петрович и восемнадцатилетний или девятнадцатилетний Иван Петрович Толстые, графское достоинство которым будет возвращено только в 1760-м (их сестра Анастасия в начале 1742-го могла уже быть женой будущего генерал-аншефа И. А. Салтыкова) [7, с. 154; 13, т. 3, с. 389–393; т. 4, с. 663; 20, т. 2, с. 494, 496, 499].

⁵ “Засецкие – русский дворянский род, происходящий, по сказанию древних родословцев, от Николая Засецка, выехавшего из Италии, в 1389 г., в Москву. В XVI и XVII веках многие Засецкие были наместниками, стольниками и воеводами. Род этот внесен в VI часть родословных книг губерний Вологодской, Московской, Петербургской, Смоленской, Тамбовской и Тульской” [25].

представителей рода, например на прямых предках и потомках Луки Ивановича Засецкого или только на “вологодских” Засецких⁶, которым, в частности, посвящена и недавно прошедшая электронную публикацию составленная Е. П. Шайдаевой обстоятельная версия родословия Засецких, чьим фамильным гнездом слыло вологодское Ковырино); не без оснований претендующая на статус полной и снабженная ценными негенеалогическими ремарками “Родословная роспись рода Засецких”, подготовленная И. Ж. Рындиным и известная нам по электронной версии (*как, впрочем, и вообще все варианты родословия Засецких, использованные при работе над этой публикацией!*), в действительности не учитывает некоторые сведения, сообщаемые старинной родословной росписью из музейной коллекции РГБ, появившейся немногим позднее начала 1740-х, но и вряд ли ранее 1742 года⁷ [4; 28; 34; 19]. Странно, однако обнаруженный нами буквально на страницах “Переписных книг Москвы...” и прямо именуемый князем составителями сего монументального официального документа, возникшего между 1669–1670 гг., некто “Тимофей Микитин с[ын] Засецкий” – вовсе не упоминается ни в одном из известных нам образчиков фамильной родословной [16, стб. 139, 129]. Как не упоминается, впрочем, ни в одном из таковых и в Москве конца 1660-х едва ли не по соседству с “князем Тимофеем Микитиным” проживавший “Федор Клемянтъев с[ын] Засецкий” – Федор Климентьевич Засецкий: в росписи РГБ не встречаются не только имена этих двоих, но и совершенно отсутствуют как Никиты, так и Климы (Климентии) Засецкие [16, стб.

139; 19]. Со своей стороны, энтузиасты генеалогических изысканий свидетельствуют, что и в 1762 году некий представитель именно княжеской ветви Засецких (следовательно, потомок Больших-Засецких) владел в Касимовском уезде именем с 264 крепостными душами “мужеска пола” [27]. В то же время, если “Переписные книги города Москвы 1665–76 гг.” знают князя Тимофея Никитича, не учтенного составителями родословий Засецких, иной не менее официальный документ, возникший едва ли не полувеком позднее и громоздко озаглавленный “Перепись 1710 года: Санкт-Петербургская губерния: Белозерский уезд: Переписная книга”, соответственно датируемый 1710 годом и хранящийся ныне в фондах РГАДА⁸ (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12756. Л. 1–906), доступный автору этих строк лишь электронной версией-адаптацией, – величает князем еще одного Засецкого – Петра Ивановича, одновременно удостоверяя колоритным оборотом – “князь Петр княж Иванов сын Засецкий” – княжеское достоинство и за его отцом Иваном [18, с. 741 об. (№ 823)]. За изъятом родословной из РГБ во всех прочих разработках родословия Засецких, сочетание имени и отчества *Петр Иванович* не встречается ни разу, тогда как в рукописи РГБ оно упоминается единожды, из чего (хотя казус с преданием забвению “Тимофея Микитина” и выглядит поучительным основанием для тотальных сомнений) логично заключить, что любые “Петры Ивановичи Засецкие”, информацию о которых хранят подлинные документальные источники конца ЧVII – начала XVIII вв., – в конечном итоге всегда идентичны тому единственному князю Засецкому, который, по показаниям “Переписи 1710 года...”, владел “двумя долями деревни Мишины” в “волости Шола” Белозерского уезда Санкт-Петербургской губернии⁹ и был женат, следовательно (как единственный обнаруживающийся “князь Засецкий”), на Храповицкой – сестре супруги Петра Апостола: по крайней мере, если исходить из того, что историческая память не предьявляет каких-либо свидетельств существования в первой половине XVIII века иного Засецкого, обладавшего – хотя бы и в зависимости от прихотливых обстоятельств – титулом [18, с. 741 об. (№ 823)]. При этом, осторожности ради, готовы допустить, что супругой князя могла быть не родная, а двоюродная сестра жены Петра Апостола (принимая во внимание нещепетильность, с которой, говоря о “племянниках”, Я. А. Маркович, со слов которого знаем о родстве Апостолов и Засецких, пренебрегает уточняющим “двоюродные”). Заметим, что, согласно родословной Засецких из РГБ и материалам “Дела Тульского Дворянского Депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Засецкого Николая Лукича”, Петр Иванович был младшим сыном своего отца, из чего, в целом, проистекает, что и его старшие братья Матвей и Иван Ивановичи Засецкие, – по крайней мере, применительно к тому же началу 1710-х, – могли бы, по-видимому, претендовать на княжеское достоинство... [19; 4]

⁶ Иными словами, преемственно наследующей Богдану Григорьевичу Засецкому, (троюродному деду “князя Петра княж Иванова сына Засецкого” (см. о нем далее), приобретшему в 1705 году село Ковырино на Вологодчине [38; 18].

⁷ Эту датировку можно обосновать тем, что в документе РГБ упоминается о смерти сына Петра Ивановича Засецкого Ивана Петровича, погибшего в состоявшемся в августе 1741 г. сражении при Вильманстранде [ср.: 19; 35]. Но при этом не упомянуты родившиеся в 1737–1744 гг. племянники Ивана Петровича (родные внуки Петра Ивановича Засецкого), как не упомянут и родившийся в 1743 году Андрей Тимофеевич Засецкий, хотя и сказано, тем не менее, о старшем брате последнего Семене Тимофеевиче, родившемся, соответственно, до наступления 1743 г. [ср.: 19; 34]. Неосведомленность автора родословной РГБ о ближайших родственниках павшего на поле битвы Ивана Засецкого в сочетании с осведомленностью о рождении сына Тимофея Богдановича Засецкого, позволяет предположить, что родословная РГБ – плод трудов лица, близкого Тимофею Богдановичу. И, следовательно, не могла быть составлена, во всяком случае, позднее 1761 года, ибо, по сведениям И. Ж. Рындина, Тимофей Засецкий скончался до наступления 1762-го. Либо же работа над ней была завершена – и это представляется нам более вероятным – даже не позднее 1742 года, то есть до рождения Андрея Тимофеевича Засецкого. Следует однако, подчеркнуть, что составитель родословной РГБ и И. Ж. Рындин фактически входят в противостояние по части определения очередности рождения сыновей Тимофея Засецкого: анонимный автор родословной РГБ называет старшим сыном Тимофея Семена, а И. Ж. Рындин – Андрея [ср.: 19; 34]. Вопреки уже сказанному выше, готовы согласиться с тем, что древний источник ближе к истине: во всяком случае, “умолчание” относительно рождения Андрея Тимофеевича выглядит непротиворечивым именно при условии, что он был младшим братом Семена.

⁸ Российский гос. архив древних актов (г. Москва).

⁹ Ныне это деревня Мишино в сельском поселении Шольское Белозерского района Вологодской области [18].

Между 1675–1676 гг. двор отца “князь Петра”, а именно “Ивана Михайлова с[ына] Засецкаго” (причем без каких-либо ссылок в обстоятельной казенной описи на княжеский титул его владельца) располагался в Москве где-то недалеко от так называемой церкви “Старого Воскресенья”, во всяком случае, судя по тексту документа, должен был причисляться к ее приходу [16, стб. 202, 207, 212]. Последняя, к слову еще в XIX столетии снесенная, возвышалась в свое время “на левом углу Савельевского переулка”, до революции именовавшегося Пожарским [15, с. 44]. Тем самым, она, фактически располагалась непосредственно на Остоженке, несколько ближе к историческому первоцентру Москвы, нежели “Церковь Воскресения Христова, именуемая Новым”, скреплявшая до разрушения в 1930-х угол Остоженки и 1-го Зачатьевского переулка (пишут, что современный адрес второго храма выглядел бы как “Остоженка улица: дом 15”) [30; 29]. Также между 1675–1676 гг. примерно там же, где и Иван Михайлович, владел собственным двором троюродный его дядя, родоначальник “вологодских” Засецких и отец пяти сыновей Богдан Григорьевич [19; 16, стб. 213]. В конце 1660-х проживали в первопрестольной и иные Засецкие, например, на Поварской улице располагался двор “*стольника Назара Михайлова с[ына] Засецкого*” [16, стб. 2]. Поскольку Назарий Михайлович, как и его единственный ближайший родственник (двоюродный брат), по заверению составителя родословной из РГБ, был бездетен, его московская недвижимость могла унаследоваться дальней родней, и не исключено, что именно Назариевым двором владела спустя восемьдесят с лишним лет вдова прапорщика Азовского пехотного полка Якова Гавриловича Засецкого, доводившегося Назарию Михайловичу четвероюродным внучатым племянником [19; 23]. Судя по всему, тому ж Назарию Михайловичу принадлежал в Москве рубежа 1660-х – 1670-х и двор, размещавшийся недалеко “*от Смоленских ворот по правую сторону по Тверскую улицу*”, между прочим, в самом очевидном как будто бы соседстве с владениями “боярина князя Ивана Андреевича Хилкова”, чьим родным племянником оказывается уже упоминавшийся “князь Петр Федоров сын Хилков”, близ дома которого в марте 1731 года приобрел “двор... на Большой Тверской улице” стоящий у истоков нашего повествования “персональных дел мастер” Иван Никитин [16, стб. 121, 124; 8, ч. 1, с. 251–251]. Дело в том, что бездетный Назарий, судя по всему, был заметной фигурой в Москве его времени: во всяком случае, вдову Назария Марью 19 марта 1684 г. погребал в московском Георгиевском монастыре лично сам патриарх [3, т. 1, с. 464]. Вообще говоря, недвижимость у стольника Назария Михайловича имела еще и недалеко от подворья Кирилло-Белозерского монастыря (“*от Никитицких ворот по Тверскую*”), рядом с дворами князей Гагарина и Тюфякина, вдовы-княгини Голицыной, стольников Еропкина и Палицына. Впрочем, не поддающийся однозначному толкованию своеобразный деловой слог описи XVII столетия не позволяет категорически утверждать, что так оно и было и что в окружении столь именитых соседей Назарий Засец-

кий в самом деле был редким владельцем одновременно двух недалеко друг от друга располагавшихся “дворов” [16, стб. 164, 167–168].

Выясняется, между прочим, что в “приходе церкви Мартына Исповедника на белой земле” в непосредственном соседстве размещались двор “лб.-гв. Преображ[енскаго] полку поручика князь Матвея княж Дмитриева с[ына] Кантемира” и “*Герасимов двор Засецкаго*”, то есть двор Герасима Емельяновича Засецкого, кригс-комиссара и помещика Касимовского уезда; правда, упомянутую недвижимость Матвей Кантемир приобрел непосредственно в тот самый год, когда Герасим Засецкий скончался [19; 34; 17, стб. 291, 293–294]. Факт этого соседства любопытен по следующей причине: двоюродный брат Матвея Дмитриевича (1704–1771), сына молдавского господаря Дмитрия Константиновича Кантемира, последним браком был женат на дочери Богдана Пассека Софии [11, т. 1, с. 233–234; т. 2, с. 75]. В то же время женой князя Никиты Юрьевича Трубецкого, доводившегося двоюродным братом мачехе Матвея Дмитриевича Анастасии Трубецкой, в свое время стала красавица Анна Даниловна, урожденная княжна Друцкая и вдова Матвея Андреевича – брата первой супруги гетманца Павла Даниловича Апостола, то есть урожденной Анны Андреевны Хереску/Херескуль/Херасковой (1699–1732) [8, ч. 1, с. 321–323; 13, т. 1, 10–11; 21, с. 309; 2, с. 157; 9, с. 432; 12, отд. 2, с. 163–164; 37; 36]. Бабка жены Петра Апостола (супруга Михаила Андреевича Храповицкого), в свою очередь, приходилась родной дочерью Ивану Цельнеру, который с высокой степенью вероятности может быть идентифицирован как отец полковника Ивана Ивановича Цельнера, женатого на Марии Даниловне Пассек (в своем 2-м браке супруге Ивана Михайловича Потемкина). Иными словами, “полковница лубенская” мужу Марии Даниловны Цельнер, урожденной Пассек, доводилась, по-видимому (сомневаться приходится не в родстве, а в его степени), внучатой племянницей, тогда как София Богдановна Пассек (? – 1783), бракосочетавшаяся с Константином Антиоховичем Кантемиром (кузеном Матвея Дмитриевича), в свою очередь, является безусловной внучатой племянницей Марии Даниловны Цельнер [11, т. 2, с. 74–75]. Добавим, что документы московской переписи, относящиеся к 1738–1739 гг., зафиксировали наличие как будто бы еще одного московского “двора” уже известного нам соседством с Кантемирами “Герасима Емельянова с[ына] Засецкаго” – где-то на “земле Мск. (московских. – С.Е.) записных каменщиков”, и к этому владению, между прочим, примыкал “дв[ор] Волоскаго Господаря” [17, с. 3, стб. 471]. Но прежде чем заключить, что и на землях “записных каменщиков” Засецкие и Кантемиры оказывались в симптоматичном соседстве¹⁰ (что, по меньшей мере, не позволяло бы отрицать отсутствие за этим обстоятельством некой специфической мотив-

¹⁰ Признаем принципиальную возможность того, что в документах московской переписи конца 1730-х – начала 1740-х имело место досадное дублирование в двух расходящихся версиях топографической интерпретации одного и того же территориального соседства.

вації), стоїть зазначити, що валашськими господарями в XVIII столітті були, строго говоря, не Кантемири (двоє з яких відомі як саме *молдавські* господарі), а Кантакузени, да і останні після 1716 року вже не мали законної верхньої влади в Валахії, оскільки після казні – перед фактичним бегством в Росію сразу кількох Кантакузенів – останнього господаря Валахії з цього роду, в 1717-м на *валахський*, а не *молдавський*, престол все ж був обраний черговою Кантакузеном, але інаугурації він так і не дочекався; вважався “графом Римської імперії” і колишній “генерал-майором австрійської служби”, а також великим баном Крайови (тобто, що називається, “малим господарем”), він помер в 1739 р. в Германштадті і, ймовірно, не був пов’язаний з Росією якою-будь московською нерухомістю [17, с. 3, стб. 471; 20, т. 1, с. 354–355].

Як свідечував В. Сиповський, автор статті в “Руському біографічному словарі” про поета М. М. Хераскова, племінника першої дружини Павла Даниловича Апостола, – вже згадуваний тут Матвій Андреевич, батько поета, “при Петрі Великому переселився в Росію (в 1712 р.) з своєю сестрою княгинією Кантакузеном” (в ознаменування чого “Петр I пожалував їй 5.000 душ в Малоросії”) [21, с. 309; 37]. Іншими словами, Апостоли набули певного родства з Кантакузеном завдяки першій дружині гетьмана Павла, народженою Хереску. Вивчення родословної росписи Кантакузенів, складеної В. В. Руммелем і В. В. Голубцовим, – в її частині, яка релевантна подіям перших кількох десятиліть XVIII століття, – встановлює існування для означеного періоду чотирьох Кантакузенів, офіційно вважаних генералами, при цьому з них лише двоє були на руській службі (остатні – на австрійській) [20, с. 354–356]. Далі, аналізуючи специфічний оборот “*шватерка генерала Кантакузена*”, звернений до згадуваної Анни Андреевни Апостола, народженою Херескуль (як тепер вже остаточно встановлено з епітафії на “гробниці” цієї першої дружини гетьмана Павла Апостола, недавно виявленої і опублікованої електронною публікацією), – можна зробити висновок, що для гетьманчевої тещи Удрія Херескуля, в свою чергу тещем могли бути Матвій Кантакузен (батько генерала руської служби Фомы Матвеевича) або ж Купару Дука (батько дружини Фомы Матвеевича), або, – але з меншою ймовірністю – господар Шербан Кантакузен або, нарешті, Бейзаде Росети (господар – в якості батька, а Росети – в якості тещи генерала австрійської служби Георгія Кантакузена) [20, с. 355–356; 10, с. 15–18; 37].

Певне властивість Апостолів і Кантакузенів підтверджується і тим, що сестра Матвеевича Хераскова і народженою Херескуль, в шлюбі Апостола Анни Андреевни, разом з братом, як вже згадувалося, перетнула кордон петровської Росії, будучи вже княгинією (або, – більш ймовірно, – вдовствующою княгинією) Кантакузен. Іншою загадкою речової фабрикації – “*Енерала Кантакузина свойственна*”, що представляє собою витяг з щоденникової записки Н. Д. Ханенко від 8 травня 1722 року і підразумеваю-

чий, по-видимому, особу, пов’язану генеалогічними зв’язками не з далеким “австрійським” Кантакузеном (ну міг би він про нього знати Ханенко?), але з російською службою генералом Фомою Матвеевичем, – в поєднанні з уважливим і вже з іншого боку розгляду вивченням руммеле-голубцовської родословної Кантакузенів – підтверджує наявність – при посередстві Анни Хереску – родствених зв’язків Кантакузенів першої половини XVIII століття і малоросійських Апостолів [20, с. 354–356; 22, с. 60]. Вважаючи про валахських боярських корнях престарілого гетьмана здивуватися цьому априорно не доводиться. Таємничий “*свойственной*” генерала Кантакузена – якщо тільки вона була народженою Дука і, тим самим, ймовірною теткою Анни Андреевни Апостола – могла б стати вдова казенного в 1716-м в Стамбулі останнього господаря з Кантакузенів, відома як Пагона або Паулина, після смерті чоловіка переїхавши в Росію, однак її життя завершилося в 1740 р. в Трансильванії; крім того, її сини були двоюрідними племінниками і Фомы Матвеевича, і генерала австрійської служби Георгія Кантакузена [20, с. 354–356]. Признатися, ми впевнені в тому, що Паулина і “*Енерала Кантакузина свойственна*” – це одне і те ж обличчя, приймаючи до уваги, що Н. Д. Ханенко таємничий “*свойственную*” згадує випадково при отриманні “Монаршої грамоти”, вказуючи на передачу Кантакузенові протеже “маєтності”, яку попередньо надлежало “одобрити” у “пана Данила Карпики” [8, с. 60]. Згідно В. Л. Модзалевському, в володіння внучки і племінниці київських полковників Вольських, до якої був одружений Даниїл Семенович Карпека, гетьманським універсалом від жовтня 1712 року в зв’язку з відсутністю інших спадкоємців дарувалися “добрі”, що “позостали” після смерті згаданих Вольських, їх – як спірне майно – і розпорядилися, судячи з усього, “передати” Кантакузиною “*свойственной*” імператор [13, т. 2, с. 328–329]. Оскільки п’ять років пізніше уже Я. А. Маркович в щоденниковій записці від 19 липня 1727 року зазначає, що “маєтності в полку київському отримуються якими владели Мултянська княгиня з синами пожаловани генералу аютанту його імпер. В-ва Лопухину”, а в редакційному примічанні до цієї ремарки “Мултянська княгиня” іменується “Княгинією Кантакузен”, стає очевидним, що чоловіком “*свойственной*” був також Кантакузен, але що сприймали її, тим не менше, як “Мултянську княгиню”, тобто як чоловіка владелиці Мултянської землі, і застосовано до вдови того, хто володів титулом господаря, це виглядає цілком закономірним [22, с. 160]. Далі, відомо, що у Пагони/Паулини дійсно були сини, з якими вона і покинула Константинополь в трагічний для чоловіка час [20, с. 355]. І, враховуючи, що кінець її життя в Трансильванії, не доводиться сумніватися: вдова казенного господаря в Росії не “натуралізувалася”, а це знову-таки поєднується з тим, що майнові права, подаровані їй в 1722-м Петром I, через п’ять років фактично були повернуті російській короні. Крім того, це можна трактувати як підтвердження того, що покидавши імперію високопоставлений “беженець”

терял права на российскую собственность. Именно по этой причине в попытках проследить связи Паулины с семейством Хереску, а при посредстве последнего и с Апостолами, мы всякий раз подчеркивали приоритет Кантакузенов, состоявших на российской службе, относительно Кантакузенов, служивших австрийской короне. Вторым (после Фомы Матвеевича) и последним Кантакузеном, носившим российский генеральский чин в первой половине XVIII века стал младший сын казенного господаря Константин Степанович (старший брат которого Раду, как и его двоюродный дядя Георгий Кантакузен, был генералом австрийской службы) [20, с. 356]. В России Константин Кантакузен женился (на одной из Шереметевых, имя которой забыто даже составителями длинных фамильных родословных), в России родились его дети, иными словами, если у кого-то и имелись законные основания владеть в качестве “Волоскаго Господаря” апартаментами в Москве, – этим кем-то был Константин Кантакузен, господарич по рождению, а, следовательно, и особа, сохранявшая в известной степени право притязать на титул, каким обладал казенный родитель. Свидетельство, оставленное в дневнике Яковом Марковичем под 7 мая 1732 года: “Сегодня обедал я у гетманском дворе, а по обеде з п[аном] Петром (Петром Даниловичем Апостолом. – С.Е.) и князем Кантакузиним, полковником нарвского полку, и п[анею] Петровою (женой Петра Даниловича. – С.Е.) играл у ломбар”, – сказанное о Константине Степановиче подтверждает [6, с. 191]. Тем более что полковничий чин в мае 1732-го и бригадирский – семь лет спустя (тот же Яков Маркович 11 мая 1739 года отмечал в своем дневнике: “... Генерал-лейтенант и кавалер красного банта Артемий Загрязский, за некоторую свою в прошлогодней компании оплошность, лишен чина и в рядовые драгуны в Ростовский полк до выслуги поверстан; за тож бригадир Кантакузин и майор Лопухин в рядовые драгуны на 4 месяца вписаны...” – вполне согласуются с тем, что известно о служебной карьере Константина Степановича, который еще до 1746 года успел стать “русской сл[ужбы] бригадиром” и выйти “в отставку в чине генерал-майора”, после чего и “поселился в Венгрии”, где был “по политическим причинам, в 1746 г. арестован австрийцами и посажен в крепость Грэц”¹¹ [7, с. 63; 20, т. 1, с. 356 (№ 66)]. Кстати, прибыв в Москву весной 1742 г., Петр Апостол, – по свидетельству, оставленному 2 мая 1742-го в дневнике Я.А. Марковичем, сопровождавшим Петра Даниловича в этой поездке, – “обедал... у Кантакузена, с которым и в маскарад ездил” [5, с. 163].

Продолжение следует

Литература:

- [Апостол П. Д.] Дневник // Киевская старина. – Т. L. – 1895. – С. 105–155.
- Бантыш-Каменский Д. Н. Жизнь Мазепы. – М., 1834.
- Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь. Т. 1. – СПб., 1907.
- ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 871 (Дело Тульского Дворянского Депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Засецкого Николая Лукича (см.: <http://www.vene.ru/Gorodenec.html>).
- Дневник генерального подскарбия Якова Марковича. (1717–1767 г.г.). Ч. 2. – К., 1895.
- [Дневник генерального подскарбия Якова Марковича. (1717–1767 г.г.). Ч. 3. – [К., 1895?].
- Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1, 2. – М., 1859.
- Долгоруков П. Российская родословная книга: В 4 ч. Ч. 1. – СПб., 1855.
- Западов В. А. Русская литература XVIII века, 1700–1775. – М., 1979.
- Крупницкий Б. Гетьман Данило Апостол і його доба. – К., 2004.
- Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1. – 2-е изд. – СПб., 1895.
- Материалы для отечественной истории / Изд. М. Судиненко. Т. 1. – К., 1853.
- Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник: В 4 т. Т. 1. – К., 1908; Т. 2. – К., 1910; Т. 3. – К., 1912; Т. 4. – К., 1914.
- Молева Н. М. Иван Никитин. – М., 1972.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Ред. колл.: Г. В. Макаревич, Б. Л. Альшуллер, В. И. Балдин и др. – М., 1989.
- Переписные книги города Москвы 1665–76 гг. – М., 1886.
- Переписные книги города Москвы 1737–1745 г. Т. VIII. – М., 1893.
- РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12756 (см.: http://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_12756.htm).
- РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 734. Л. 177 об.–179 (см.: <http://baza.vgdru.com/index.php?m=search&srid=794598&o=relevancy&nogrp=&desc=DESC&fs=1,2,3,4,7,13,5,11,14,15,17,18,26>).
- Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. – СПб., 1886; Т. 2. – СПб., 1887.
- Сиповский В. Херасков // Русский биографический словарь. Т. “Фабер–Цявловский”. – СПб., 1901. – С. 309–318.
- [Ханенко Н. Д.] Дариуш или Журнал, то есть повседневная записка... – М., 1858.
- ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 208 (Исповедные ведомости 1754 года по Москве. Исповедные ведомости Пречистенского сорока (см.: <http://rusgenealogy.clan.su/forum/40-333-1>)).
- Шпиленко Д. П. Материалы к родословию смоленского дворянства. – М., 2006 (см.: <http://www.petergen.com/sources/rodsmdv1.shtml>).
- <http://encbook.ru/content19690/>
- <http://feb-web.ru/feb/rosarc/raa/raa-607-.htm>
- <http://forum.vgd.ru/4/4964/460.htm>
- <http://kovyrino.ucoz.ru/publ/3-1-0-11>
- http://mosday.ru/photos/?3_31210050
- <http://only-moscow.ru/utraty34.html>
- http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%EC%EE%EB%E5%ED%F1%EA%E8%F5_%ED%E0%EC%E5%F1%F2%ED%E8%EA%EE%E2
- http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=135719
- <http://www.genealogia.ru/users/rurik/Rospisi/Rjevskie.htm>
- <http://www.history-ryazan.ru/node/10524>
- <http://www.hrono.info/sobyit/1700sob/1741vilm.html>
- <http://www.russianfamily.ru/h/herask.html>
- <http://www.ukrainians-world.opg.ua/about/45/49/86/87/38.park.region35.ru/numbers/num60/10/>

¹¹ “...Где содержался 35 лет (см. „Архив князя Воронцова“, т. VII, стр. 99, 101, 515); † 1781, через несколько дней по освобождении” [цит.: 20, т. 1, с. 356 (№ 66)].